

И. Ю. Иеронова

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА Г. ГИЙОМА
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ
ЗНАНИЙ О ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА**

Светлой памяти Л. М. Скрелиной посвящается

Рассматривается значение идей ментализма Г. Гийома для современной лингвистики и роль его теории в современной парадигме знаний о языке.

The article focuses upon the impact of G. Guillaume ideas of mentalism on modern linguistics and the role of his theory in the modern paradigm of language knowledge.

Ключевые слова: психосистематика, психомеханика, психосемиология, векторный метод, ментальные операции, ангиномии: человек/мир, всеобщее/единичное, партикуляризация/генерализация, топогенез/хроногенез, глоттогенез/праксеогенез.

Key words: psychosystematics, psychomechanics, psychosemiology, vector method, mental operations, antinomies: man/world, universal/unique, particularization/generalization, topogenesis/chronogenesis, glottogenesis/pracseogenesis.

Судьба отдельных школ и течений в лингвистике складывается порой неоднозначно и даже причудливо. Так обстоит дело с психосистематикой Г. Гийома, включающей психомеханику и психосемиологию, которая при его жизни была не понята и не нашла еще своего достойного осмысления в истории лингвистической мысли.

Не определено и влияние Г. Гийома на современную парадигму научного знания о языке, а между тем это выдающийся лингвист, намного опередивший свое время, который уже в начале XX века видел многие недостатки метафизической концепции Ф. де Соссюра, ее механистический характер, несмотря на ряд очень важных концептуальных положений, высказанных Соссюром и давших начало развитию структурализма во всех его оригинальных течениях. Кроме того, Гийом на 30 лет раньше постструктуралистов Лакана и Делеза ввел в лингвистику понятия из области психологии, выявил основные ментальные операции мышления и разработал векторный метод, наглядно отражающий процесс движения мысли, ее самоперехваты. Гийом так определяет цель новой области лингвистики, которую он называет психосистематикой: «Психосистематика исследует не отношение языка и мышления, а определенные и готовые механизмы, которыми располагает мышление для перехвата самого себя, механизмы, которым язык дает точное отображение» [1, с. 54].

Несмотря на то, что сам Г. Гийом называл себя последовательным структуралистом, он уже в 1920–1930 годы «перерос» набирающий силы структурализм, сформулировав ряд очень важных теоретических положений и методологическую базу ментализма в языке, что во многом сближает его с представителями постгенеративного направления в современной лингвистике.

Именно оригинальность теории Г. Гийома, его неконвенциональная терминология, уходящая своими корнями в Античность и Средневековье (модисты), заимствованная часто из других наук (математика, биология, физика, геология, психология), авторские метафорические выражения, а также его научная деятельность вне доминирующей в то время парадигмы (структурализма) явились причиной того, что многие из его выдающихся идей были не поняты научным сообществом и непопулярны.

Как совершенно справедливо заметила Л. М. Скрелина, открывшая России (тогда СССР) принципы теоретической лингвистики Г. Гийома и создавшая целую школу гийомизма в СССР, другой причиной определенной непопулярности Гийома (если видеть популярность в численности аудитории и немедленном повышении индекса цитируемости) является его движение не только против господствующего университетского направления — филологии с ее основным акцентом на литературоведении, но и против нового, набирающего силу течения структурализма [3, с. 173–175]. Однако многие выдающиеся лингвисты того времени — А. Мейе, Л. Аве, А. Кюни, Л. Мариес, Э. Бенвенист высоко оценили идеи Гийома. Так, Л. Аве, «единственный в Европе, кто первый заметил и по достоинству оценил ставший потом знаменитым “Мемуар” Ф. де Соссюра», в своей рецензии на «Проблему артикля» отметил необычайный дар Гийома — видеть невидимое. А А. Мейе, чьим учеником был Г. Гийом, считал, что он слишком умен, а его книги слишком сложны, чтобы лингвисты их поняли. Называя себя структуралистом, Гийом не входит ни в одно из течений европейского или американского структурализма, а изучает ментальное пространство,

репрезентируемое в языке, ментальные (мыслительные) операции, связанные со структурированием и упорядочиванием ментального пространства через означивание, занимаясь немислимым для сравнительно-исторического языкознания делом — реконструкцией психической стороны языкового знака (цит. по: [3, с. 174]).

Определяя язык, его сущность, Г. Гийом отмечает диалектическую связь мышления и языка. По этому поводу он пишет следующее: «Мир, с которым мы вступаем в контакт в лингвистике, — это внутренний мир мысли, формируемый в нас нашими представлениями. То, что он внутри нас, добавляет значительные трудности в его наблюдении... трудность наблюдения, значительная уже тогда, когда мы имеем в виду такой, например, акт речи, как построение фразы, становящейся еще большей, когда дело касается наблюдения не факта речи, а факта языка» [1, с. 20]. Факт языка, по Гийому, представляет собой психический процесс, который происходил в индивиде в неопределенном прошлом, о котором у него нет ни малейшего воспоминания. Более того, Гийом отмечает, что все языковые приобретения не создаются, а наследуются, они принадлежат сознанию прошлого, ибо язык — это система систем. В отличие от Ф. де Соссюра, который противопоставил синхронию и диахронию, но рассматривал эту антиномию механистически, Г. Гийом считает, что каждая синхронная система является следствием предшествующей системы, вполне законченной, хотя и непохожей. Отсюда вывод: диахрония — это история систем, или диахрония синхроний. Гийом отмечает, что в языке систематическая организация действует вместе с дезорганизацией, которую в каждый последующий момент наследует язык [1, с. 62–64]. И здесь мы ясно видим диалектический характер этой связи.

Гийом критически анализирует формулу Соссюра, представляющую собой известное уравнение (речевая деятельность = язык + речь), отмечая ее определенный революционный характер для того времени, но вводит в нее временной фактор и придает этой формуле вид интеграла. Он отмечает, что речевая деятельность как целое, как интеграл — это последовательность перехода языка, постоянно виртуально существующего в говорящем (вне зависимости от времени), к речи, принадлежащей говорящему только в конкретные моменты высказывания (оперативное время). Из этого следует, что переход от языка к временной действительной речи, которая физически манифестируется в акте фонации, осуществляется через виртуальное говорение, связанное с психомеханизмами, существующими в языке. Гийом вводит в это уравнение четвертый термин “discours”, которому придается значение *процесса порождения речи*, в то время как термину “parole” соответствует физическое (акт фонации) говорение. Ученый фактически выдвигает в своей теории революционные для структурализма понятия пропозиции и пропозициональной схемы, интенции говорящего, контекста речевого акта. Он пишет: «Мысленной речи, условно одной, противопоставляется огромное разнообразие действительной речи, меняющейся в зависимости от говорящих, а при одном и том же говорящем — в зависимости от обстоятельств речи» [Там же, с. 95–96].

Г. Гийом придает языку онтологический статус и считает, что именно язык позволяет нашему мышлению редуцировать окружающий мир, выражающийся в отношении *мир/человек* до отношения *всеобщее/единичное* в фундаментальной структуре языка. Эта фундаментальная антиномия реализуется в языке в немногочисленных и несложных мыслительных операциях, не обладающих вариативностью. Это подтверждается тем, что система языка может легко содержаться в мышлении каждого и отражает ее экономичность. К таким операциям Гийом относит следующие отношения: «генерализацию — партикуляризацию», «идеогенезис — морфогенезис», «топогенез — хроногенез», «дискретное — недискретное», «часть — целое» и т. д.

Очень важной идеей, выдвигаемой Гийомом, является понятие оперативного времени, находящегося с бесконечным (космическим) временем в диалектическом единстве. Оперативное время является частью дискурсивного и бесконечного времени. Оно представляет собой мгновение, которое невозможно измерить и которое имеет место в моменты, предшествующие актуализации любого слова, вводимого в речь. В оперативном времени заключена вся схема порождения слова, которая складывалась в ходе глоттогенеза и принадлежит поэтому не только оперативному, но и глоттогенетическому времени. В результате этой операции слово оформляется как часть речи. Фактически Г. Гийом раньше Л. Ельмслева приходит к мысли, что в противопоставлении плана выражения и плана содержания в сосюрском понимании следует выделять в каждом из них субстанцию и форму. Этот тезис позже повторит в своей теории Б. Потье, говоря о части речи как о форме содержания мысленных представлений (чистых идей, субстанции содержания). Дихотомия «*пространство — время*» реализуется в структуре языка в частях речи, формируемых или в области представления пространства (имя существительное), или в области представления времени (глагол). Как отмечает А.Ф. Лосев, «без структуры нет никакой раздельности» [2]. Эта дихотомия, реализуемая в структурах языка, является средством *дискретизации* универсума, понятийного освоения, расчленения и означивания элементов бытия. Если мы употребим более современные термины, Гийом понимает эти ментальные операции как когнитивные модели концептуализации внешнего мира. К этой структурной раздельности, как отмечает Л.М. Скредина, языковое сознание, понимаемое как интуитивное, природное знание, пришло через представления оппозиции «*человек — вселенная*» [3, с. 204].

Г. Гийом разрабатывает теорию трех языковых ареалов. И в этой концепции он близок А.Ф. Лосеву, который, рассматривая различные исторические типы предложения, тоже считал, что тип грамматического предложения связан с историей (эволюцией) мышления [2]. В отличие от А.Ф. Лосева Г. Гийом различает разные этапы «строительства» языка как системы, связывая их общие типологические характеристики с типологией потенциальной единицы. Есть языки, в которых потенциальной единицей является слово, в других — морфослог, в третьих — слово-предложение. Фактически оба лингвиста проводят одну и ту же мысль — развитие языков идет в одном направлении: все языки мира находятся в едином потоке эволюции человеческого языка как феномена.

По мнению Г. Гийома, перехваты лексический и фразовый, ведущие к формированию слова и предложения, являются также типологическими маркерами, позволяющими рассматривать языковые единицы и языки трех ареалов. Так, упоминая о языках первого типологического ареала, которые характеризуются такой языковой единицей, как слово-предложение, он видит в этой единице объединение двух этапов речевой деятельности — языка и речи (недискретный период).

В тех же языках, где основной единицей является морфослог (например, китайский), сформирован квант понятия, не оформленный морфологически, как это происходит в индоевропейских языках. Индоевропейское слово получает серию грамматических (общих) значений и выходит в речь уже готовым к употреблению словом-частью речи, китайское слово не имеет такого статуса, так как операции понятийной и грамматической структуризации у него разъединены между планом языка и планом речи.

Таким образом, эволюционная теория, представленная на трех ареалах человеческого языка, вполне отвечает пониманию эволюции как психической трансформации мышления, и, следовательно, языкового сознания. Все языки, по мнению Гийома, эволюционируют, и этот процесс идет в одном направлении. Как считает Л.М. Скредина, определенное влияние на философию языка Г. Гийома оказал Т. де Шарден, который считал, что гоминизаторская функция языка — это его участие в постоянном прогрессе и возвышении человека, гоминизация, по мнению Шардена, — это индивидуальный мгновенный скачок от инстинкта к мысли [3, с. 208].

Однако эта мысль о так называемом прогрессе и об иерархии языков была осуждена в советский период, и надо было иметь большое мужество, которое продемонстрировала Л.М. Скредина, чтобы создать школу в СССР по изучению теоретического наследия Г. Гийома, которая, кстати сказать, существует и сейчас под руководством Л.А. Становой. Говоря об артикле как о достижении работы мысли, Гийом выделил французский язык как наиболее развитый, он считал, что есть этапы в развитии языкового сознания. По его мнению, одни народы способны представить себе чистую идею, другие — нет, ибо мыслят ее очень близко к действительности. Так, склонение в языках свидетельствует о том, что мысль не в состоянии абстрагироваться от второго элемента в слове, указывающего на функцию. Это значит, что мысль (представление) не может разделить чистую идею (идею объекта) и конкретную (идею использования объекта).

Следует отметить тесную связь теоретической концепции Гийома с философскими сочинениями мыслителей древности, Средневековья и Нового времени. Гийом часто обращается в своих рассуждениях к идеям Аристотеля, модистов. Он органично сочетает в своей концепции и созвучные ей идеи Бергсона, Паскаля, Лейбница, Декарта, Пуанкаре, Ампера, Гумбольдта, Делакура, Спенсера, де Шардена и др. В картине глоттогенеза и систематике частей речи присутствует, как отмечает Л.М. Скредина, дух Канта (координаты «время — пространство») и Гегеля (триада: «тезис — антитезис — синтез») [Там же, с. 193—194]. Гийом приписывал языку, языковому сознанию (точнее подсознанию) необычайную силу познания и самопознания, познавательная функция языка является одновременно и строительной. По мнению Ю.С. Степанова, именно интерес к гоминизаторской функции языка позволяет определить теорию Гийома как антропоцентрическую, он также считает, что значение его работ только сейчас начинает осознаваться во всей его полноте [4, с. 14].

В одной из статей Ж. Стефанини содержится высказывание о том, что Г. Гийом был последним из величайших модистов. Именно от модистов происходит мысль о создании ономасиологической грамматики. Под модусами обозначения средневековые ученые понимали способы выражения идей, которые являются *результатом осознания предметов внешнего мира*. Модисты считали, что грамматическому изучению языка предшествует исследование форм бытия вещи, изучаемых метафизикой, и способов понимания этих форм, изучаемых логикой. Соотнося философские категории бытия и мышления с содержательными структурами языка, они превращали эти категории в ономасиологические. Ономасиологический способ рассмотрения языковых явлений предполагает, что говорящий исходит в своей деятельности из некоторого внеязыкового содержания и переводит это содержание в языковую форму; при этом та или иная языковая форма выбирается говорящим из находящейся в его распоряжении языковой системы и преобразуется им из системно-языкового состояния в речевое (формула: «внеязыковое содержание — языковая форма/языковая система — речь»).

В настоящее время есть все основания считать, что Г. Гийому удалось создать собственную лингвистическую школу, получившую название «векторная лингвистика», или «психосистематика». На

ее принципах уже созданы описания отдельных подсистем английского языка (например, имени и артикля, а также глагола).

К числу учеников и последователей Г. Гийома относятся Р.-Л. Вагнер, П. Имбс, Р. Лафон, Б. Потье, Ж. Стефанини, Ж. Муанье, М. Мольо, Ж. Майар и др. Давая оценку их лингвистическим трудам, Л. М. Скрелина считала главной и характерной чертой этих ученых пристальное внимание к конкретным языковым фактам, которое идет от Г. Гийома, и стремление рассматривать их изнутри, со стороны означаемого, отталкиваясь от понятийных категорий при объяснении функционирования элементов в речи. Направление, основанное Гийомом, продолжается развиваться и сегодня. В 1986 году создана Международная ассоциация психомеханики. Во Франции более чем в 10 университетах преподается эта наука, основаны Фонды Гийома в Савойском университете и в университете им. Лавалья в Квебеке, где студенты могут изучать полный курс теории психомеханики, проводятся научные семинары и конференции в России под руководством Л. А. Становой.

Но более существенным, как считает Морис Туссен, атташе по лингвистике при посольстве Франции в Москве, является дальнейшее развитие учения Г. Гийома, в котором выделены три главных направления: углубленная разработка теории знака, поиск взаимодействия теории систем и теорий высказывания, прикладные аспекты психомеханики, подготавливающие интеграцию лингвистических наук в нейронауки. Кроме этого, многие идеи, высказанные Гийомом, нашли приложение и в других областях знаний, например в генетической эпистемологии Ж. Пиаже, на базе гийомизма Л. Гарсия создает свою топологическую лингвистику, а Ж. Брес – нарратологию социальных конфликтов, вводя рассказ в праксис. Более того, по мнению Туссена, психомеханика языка будет иметь продолжение в виде построения новых теорий, «которые, базируясь на том, что еще недавно приписывали ментализму, будут соревноваться в построении когнитивной лингвистики, связывая ее с европейской культурой и, тем самым, разрывая случайные связи когнитивных наук и информатики» [5].

Однако в многочисленных современных работах по когнитивной лингвистике, несмотря на их кажущееся разнообразие (исследования и описания в основном лексических концептов), царит удручающее теоретическое однообразие: цитируются из работы в работу одни и те же авторы без их критического осмысления (американские лингвисты Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Р. Джакендорфф, а также Э. Рош, А. Вежбицка, Е. С. Кубрякова и др.). Многие диссертации в этой области выполняются по заданному алгоритму, не разрабатываются методы исследования, свойственные этому «модному» направлению (к вопросу об индексе цитируемости!). Как справедливо замечает А. А. Залевская, в последние годы термин «концепт» используется чрезвычайно широко. Однако нередко после включения слова «концепт» в название своей работы (статьи, доклада, диссертации) авторы далее либо прямо говорят о *понятиях* или *значениях*, либо это становится очевидным из предлагаемого ими анализа материала, из применяемых исследовательских процедур (например, сопоставления объема понятий, компонентного анализа, вычленения сем) и т. п. Хотя эти процедуры были прекрасно разработаны еще в лексической семантике (М. В. Никитин и др.), в теории семантических полей и функционально-семантических категорий (А. В. Бондарко и др.)

Исключением из этого являются действительно интересные и перспективные научные работы представителей воронежской школы когнитивной лингвистики под руководством И. А. Стернина. Так, обращаясь к исследованию грамматических концептов, оригинальным путем идет В. Б. Кашкин, в работах которого можно найти глубокое философское осмысление языка как человеческого феномена с богатым отсылочным материалом как на труды древних мыслителей, так и многих европейских философов и мыслителей, предшественников американского постструктурализма (В. фон Гумбольдт, А. Ф. Лосев, Э. Гуссерль, Б. де Куртене, А. А. Потебня, Г. Г. Гийом, Р. Г. Пиотровский, Н. Бор, И. Пригожин, У. Матурана и др.). Кроме этого, его выводы основаны на материале многих языков, принадлежащих к различным языковым семьям, что делает их убедительными (исследования по артиклю и перфекту). Он так же, как Гийом, использует синергетический подход и заимствует терминологию из точных наук, иллюстрирует свои исследования формулами и схемами. Представляется, что без обращения к богатому лингвистическому наследию прошлого и его осмыслению нет прогресса. Многие идеи, высказанные Г. Гийомом, еще не нашли своего подлинного осмысления и применения как в истории лингвистики, так и в современной когнитивистике.

Список литературы

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
2. Лосев А. Ф. Знак, символ, миф. М., 1982.
3. Скрелина Л. М. Послесловие и комментарий // Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. С. 168–210.
4. Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразования // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
5. Туссен М. Предисловие // Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.

И.Ю. Иеронова – декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, д-р пед. наук, проф.,
РГУ им. И. Канта, lingvo@albertina.ru.

Author

I.Y. Ieronova – dean of the faculty of linguistics and cross-cultural communication, PhD, professor, IKSUR,
lingvo@albertina.ru